

Вольтер

Танкред

Вольтер
Танкред

«Public Domain»

1760

Вольтер

Танкред / Вольтер — «Public Domain», 1760

«Вожди и рыцари, Сицилии сыны, Герои-мстители отеческой страны! Вы, престарелые мои почтивши лета, Собрались у меня для важного совета, Как нам несущих брань тиранов отразить, И славу и покой отчизне возвратить...»

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Явление первое	6
Явление второе	11
Явление третье	13
Явление четвертое	15
Явление пятое	19
Явление шестое	20
Действие второе	22
Явление первое	22
Явление второе	25
Явление третье	27
Явление четвертое	28
Явление пятое	30
Явление шестое	31
Явление седьмое	34
Действие третье	35
Явление первое	35
Явление второе	38
Явление третье	39
Явление четвертое	43
Явление пятое	46
Явление шестое	48
Действие четвертое	51
Явление первое	51
Явление второе	53
Явление третье	56
Явление четвертое	57
Явление пятое	58
Явление шестое	61
Явление седьмое	64
Действие пятое	65
Явление первое	65
Явление второе	67
Явление третье	68
Явление четвертое	70
Явление пятое	72
Явление шестое	75

Вольтер

Танкред

(Трагедия в пяти действиях)

Действующие лица

Аржир, Танкред, Орбассан, Лоредан, Катан – рыцари.

Альдамон, воин.

Аменаида, дочь Аржира.

Фани, наперсница Аменаиды.

Многие рыцари, присутствующие в совете, щитonosцы, воины и народ.

Действие в зале совета в Аржировом доме, потом на площади.

Действие первое

Явление первое

Собрание рыцарей, которые сидят полукругом.

Аржир

Вожди и рыцари, Сицилии сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарелые мои почтивши лета,
Собрались у меня для важного совета,
Как нам несущих брань тиранов отразить,
И славу и покой отчизне возвратить.
Давно сей стонет град от наших распрь несчастных.
Бесплодно мужество, где нет сердец согласных.
Пора – соединясь, на мусульман восстать;
О други! нам пора от гибели спасать
Стяжанных кровью благ остаток драгоценный,
Для благородных душ всех более священный,
Свободу, – вот о чем пещись мы все должны.
Два сильные врага сей бедственной страны,
Бичи народных прав, враги святой свободы,
Византские цари, срацинские народы
Презренным рабством нам досель еще грозят.
Сии властители вселенную делят
И спорят лишь о том, какой тиран меж ними
Нас вправе отягчить оковами своими.
Уже Мессину грек тиранством утеснил,
Надменный Солгмир давно поработил
И Этной пламенной венчанье равнины,
И древний Агригент, и Эннские долины.
Всё предвещало нам паденье Сиракуз,
Отечеству позор и бремя рабских уз!
Но алчные враги взаимно взревновали;
Восставши нас терзать, друг на друга восстали,
Ведя о жертве спор, лишились сами сил.
К свободе верный путь сам бог для нас открыл!
Вот миг тот счастливый и жданный многи лета:
Уже стареется величье Магомета;
Европу менее страшит уже сей враг:
Во Франции Мартель, в Гишпании Пелаг,
И церкви римской вождь Леон, поборник веры,
Как гордого смирать нам подали примеры, –
Я знаю, город наш раздорами смущен,
И прежней вольности и прежних сил лишен.
Не буду вспоминать дней горестных пред вами,

Когда против себя мы восставали сами,
Когда отчизна кровь детей своих лила, –
Забвенью предадим позорные дела!
Мы душу, Орбассан, единую составим,
К единой цели мы все помыслы направим,
Чтоб славу возратить отеческим странам;
И, не терпевшие доселе равных нам,
Умрем, не потерпев властителя над нами!

Орбассан

Ты справедлив, Аржир; меж нашими домами
Несчастливая вражда давно поселена;
Страдала от нее родимая страна.
Давно желают зреть печальны Сиракузы,
Чтобы мой род с твоим связали дружбы узы.
Аржир, теперь должны друг другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезную дочь;
Отечеству, тебе полезным быть горжуся,
И сам, от алтаря, где в том вам поклянуся,
Иду за вас мечом я Соламиру мстить.
Но должно не его единого сразить;
И на других врагов нам время обратиться;
Других тиранов мы должны еще страшиться,
К которым подлая чернь поднесь хранит любовь.
И по каким правам от Сенских берегов,
Везде скитался, надменные французы
Вселились на берегах цветущих Аретузы?
И по каким правам, стран чуждых граждан,
Кусси надменный к нам пришел как властелин
И Сиракуз в стенах свободно водворился?
Сначала кроток был и службой нам гордился;
Но вдруг он напыщен, как повелитель, стал.
Наследства род его несметные стяжал
И, нагло властвуя прельщенным здесь народом,
Дерзнул возвыситься над Орбассана родом.
За то наказан он: мы всех его детей
Узрели изгнанных из здешних областей.
Танкред, от племени враждебного рожденный,
Еще в младенчестве из стен сих удаленный,
Служил в Византии под знаменем царей.
Он горд и, верно, храбр и, верно, всей душой
Не терпит наших прав, законы презирает,
И чтобы нам отмстить – лишь время избирает.
Француза каждого приязнь для нас страшна!
Три ратника простых в недавни времена,
Скитальцы бедные, сыны снегов нормандских,
Поставили их власть в полях апулианских
Без всяких прав, кроме единых прав войны:

Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянин и грек, германцы и французы –
Все пожирают нас, стекаясь в Сиракузы;
И наши, тучностью несчастные поля,
И зависть хищную и алчность воспала,
Манят грабителей и с севера и с юга.
Всем должно нам восстать и мстить им друг за друга
Измену сколько раз мы зрели в граде сем.
Восставим свой закон и строго соблюдаем:
Лишает чести он и смертью карает
Того, кто со врагом в связь тайную вступает,
На гибель стран родных с ним явно устремлен:
Пощадою всегда изменник ободрен.
Не должно снисходить ни к возрасту, ни к роду.
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеция могла лишь строгостью своей.
В благоразумии последуем мы ей,
Врагов отечества без жалости карая.

Оредан

Так, истинно позор для сицилийска края,
Что Соламир, сей мавр, магометанин сей
Находит для себя в Сицилии друзей!
Что в бранной сей земле, в стране сей христианской,
Что между нас самих властитель мусульманской
Развратных граждан мог дарами закупить!
То при дворах царей стараясь нам вредить,
То в град наш с хитрыми условиями вступая,
Там бранию грозя, здесь мир нам предлагая,
Вселял меж нас раздор, старался обольщать
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, как меж нас от сладкой сей отравы
Растлились честные отеческие нравы!
И сколько ныне здесь обольщено граждан
Науками, трудом лишь праздных аравлян;
Они им преданных навек порабощают;
Прямые рыцари науки презирают.
Нам нужно знать одно – науку побеждать;
Других наук, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю,
И так, как Орбассан, я строгость одобряю,
Блюстительницу прав свободных областей.
Гишпанию один поработил злодей.
Он между нами был, он может вновь явиться.
Пусть кар ужаснейших измена здесь страшится;
Для блага общего всю жалость истребим.
Сразимся с маврами, Танкреда отчуждим.
Противной крови нам потомок сей последний,

Свободы нашей враг, и враг всех боле вредный.
Совет наш праведно и мудро положил,
Чтоб Орбассан в его наследие вступил:
Да истребится сонм злодеев сокровенных,
К Танкреда имени доселе прилепленных.
Его имущество да будет в род твоим,
О храбрый Орбассан!

Катан

Мы все то утвердим.
Танкред могуществом в Царьграде пусть блистает;
Пусть подвиги его двор вражеский венчает.
Танкред, свою главу склонивши, пред царем –
Всего себя лишил в отечестве своем
И отчуждился сам от наших прав священных.
Да будет изгнан он; раб кесарей надменных
В республике ничем не должен обладать.
Но Орбассан всегда стремился охранять
Свободу наших прав; так можно ль меньшей мздой
Признательной стране воздать сему герою?

Аржир

Люблю я дочь мою, и Орбассан мой зять;
Но собственность для них у сироты отнять?...
Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь.

Лоредан

Сенат поносишь?

Аржир

Нет, жестокостью гнушаюсь.
Когда ж покорствовать закону должно мне,
Когда в том выгода отеческой стране,
Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассан

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьмет Танкредов весь удел.

Аржир

Оставим речь сию для больше важных дел.
Так, завтра брак сверша, приблизим день счастливый,
В который общий наш смирится враг кичливый

И победителя познает Соламир.
Сей враг, соперник твой, нам предлагая мир,
С моею дочерью дерзал союзом льститься,
И мнил, что должен я родством его гордиться.
Иди, и торжествуй над наглым сим врагом.
Друзья, да будет наш готов весь ратный сонм.
Но я, лишенный сил преклонными годами,
Повелевать в бою не смею боле вами.
Да будет Орбассан вам вождь в пути побед,
Я ж, старец, коль смогу идти за вами вслед,
И в том поставлю честь; я буду близ героев,
И духом обновлюсь среди кровавых боев;
И прежде чем глаза навеки затворю,
В победе над врагом еще я вас узрю.

Лоредан

Ты будешь нам вождем, и мы надеждой льстимся,
Что с боя в сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебе, иль лавры мы пожнем
Или в глазах твоих все мертвыми падем.

Явление второе

Аржир и Орбассан.

Аржир

Могу ли, Орбассан, обнять тебя как сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, как отец, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мне?

Орбассан

Уверен можешь быть.
Люблю отечество, оно нас примиряет,
И брак и общая нас польза соединяет.
Но не ввело б ничто меня в союз с тобой,
Когда б душа моя, горевшая враждой,
И в самой сей вражде тебя не почитала.
Цепь новую для нас хотя любовь сплетала,
Но не одна любовь на брак влечет меня;
Не будет наш союз плодом того огня,
Который миг родит и миг уничтожает
И часто вслед за ним вражду лишь оставляет.
Сын Марсов и слуга отеческой страны,
Я не привык вздыхать средь ужасов войны,
Надежда с браком мне важнее представлялась:
Скрепленье дружбы той, что между нас рождалась,
И слава Сиракуз и польза обоих.
Любовь, пред важностью взаимных выгод сих,
Свое могущество минутное теряет.
Пусть узы дружества рука ее скрепляет;
Но слабый глас любви в то время да молчит,
Когда вокруг наших стен оружие гремит.

Аржир

Сей гордый, бранный дух почтение внушает;
Но не суровость нас, а кротость лишь пленяет.
Я льщуся, что, любви ты сердце покоря
И грозное чело пред девою смиря,
Признаешь страсти плен, тебе, конечно, новый.

Орбассан

Я льщусь равно, что ты простишь мой нрав суровый:
Возросши в воинстве, я к лести не привык;
Сей суетных учтивств обманчивый язык,

Сия для слабых душ сокрытая отрава
Чужда для прямоты воинственного нрава.
В Аменаиде я не красоты мечту,
Но добродетели и дочь героя чту,
И, с ней вступя в союз, тобой усыновленный,
Снискать ее любовь почту за долг священный.

Аржир

Но, призванная мной, она идет пред нас.

Явление третье

Аржир, Орбассан и Аменаида.

Аржир

Ко благу сей страны граждан всеобщий глас,
Отец и бог – тебе назначили супруга.
Сей рыцарь, в ком теперь я обретаю друга,
Согласья твоего меня порукой зрит.
Ты знаешь, сколько здесь он саном знаменит:
Сильнейший гражданин, к победам вождь избранный,
Танкреда весь удел ему законом данный...

Аменаида *(в сторону)*

Танкреда!

Аржир

Но не сей, ничтожной мне ценой,
Возвысится союз, свершаемый тобой.

Орбассан

Союз сей лестен мне, и будет лестен боле,
Коль сердце дочери отца покорно воле.
Да возмогу и я сей выбор заслужить
И счастья всех троих надежду совершить.

Аменаида

Всегда твоя душа, родитель, разделяла
Все горести мои, и счастья мне желала.
Героя выбор твой супругом мне дает;
И скорбный ваш раздор, пылавший столько лет,
Когда от вас навек забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогом остается.
Союза важного всю цену вижу я.
Но Орбассан простит, когда душа моя,
Разима с юности судьбою раздраженной
И возмущенная внезапной переменой,
В объятиях отца спокоится на миг.

Орбассан

И сделать то должна; почтенных чувств таких
Дочерней нежности я воспретить не смею;

Тех прав, что над тобой с сего я дня имею,
Во зло не обращаю. Теперь – спешу на бой;
Мне должно заслужить почтенный брак с тобой;
Ласкаюсь, что в сей день свершу надежду вашу,
И брачные венцы я лаврами украшу.

Явление четвертое

Аржир и Аменаида.

Аржир

Но ты смущаешься, безмолвствуешь, стена,
И слезы на очах скрываешь от меня?
Упреки ясно мне сей вздох предзнаменует:
Язык преслушен нам, коль сердце негодует.

Аменаида

Родитель! признаюсь – я думать не могла,
Чтоб, столько претерпев от Орбассана зла,
Ты некогда престал пылать к нему враждою;
Чтоб я, соединя вас трепетной рукою,
Супругом назвала злодея твоего?
Забуду ль ужасы раздора я того,
Как мятежом граждан, врагов твоих к отраде,
Ты крова был лишен в отечественном граде?
Как мать, гонимая в родных своих стенах,
Искала жалости на чуждых берегах?
Как, от груди отца оторванная с нею,
В столице кесарей, с опорой слабой сею
Делила я печаль, сносила иго бед
И злополучие познала с юных лет!
Но я у матери, в стране чужой и дальней
Училась терпеть изгнанных рок печальный;
Сносить училась в несчастьи моем
И гордого двора презорливый прием,
И жалость хладных душ, тягчайшую презренья!
И в мрачной доле сей, в училище терпенья
Примером матери образовалась я.
Но вдруг лишася всего с потерей ея,
Я в мире с ужасом одну себя узрела,
Как трость пустынная, защиты не имела!
Но рок смягчился к нам: несчастливый сей град
Стяжанье, честь, права отдал тебе назад;
Судьбу оружия вручил твоей он длани,
И пали пред тобой враги в кровавой брани;
В объятия отца я вновь возвращена;
И новая гроза над мною собрана!
Ты брака моего светильник возжигашь;
Я знаю выгоды, которых ожидаешь;
Но жертвою врагов была до сих я дней;
А ныне зрю себя – я жертвою твоей!
И день, который вы для брака мне избрали,

Быть может, будет нам днем бедствий и печали.

Аржир

Он будет счастливым, отцу поверь ты в том;
Блаженства твоего не буду я врагом.
Любезную мне дочь вручаю я герою,
Который мавру, нам грозящему войною,
В сей самый день за нас мстить бранию готов;
Он был противник мой, теперь он наш покров.

Аменаида

Покров? возносишь ты заслуги Орбассана;
Но блеск меня не льстит высокого толь сана;
И я желала бы, чтоб вождь толиких сил
Для выгод собственных невинных не теснил.

Аржир

Так, весь сенат, храня от рабства град сей вольный,
В Танкреде наказал род чуждый и крамольный.
Он, долго власть свою нам обращая в вред,
Здесь приобрел врагов.

Аменаида

Но и досель Танкред,
Коль верить мне молве, в сем граде уважаем.

Аржир

И мы в нем доблести героя почитаем;
Уже Илирию, гласят, он покорил;
Но чем усерднее он кесарям служил,
От родины своей тем боле отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

Аменаида

Танкред!

Аржир

Опасен нам крамольника возврат;
В Царьграде ты могла приметить много крат
К нам ненависть его.

Аменаида

Нет! – мавра победитель,
И слабых Сиракуз был, верно б, он спаситель –
Вот мать моя всегда как думала о нем.
Когда ж свирепствуя враги во граде сем,
За Орбассанов род все на тебя восстали,
Расхитили твой дом, родных твоих изгнали,
Танкред презрел бы смерть, чтоб защитить тебя:
Вот как судила я.

Аржир

О дочь, приди в себя:
К советам нежного родителя склонися,
С местами, с временем теперь сообразися:
Танкред и Соламир и византийский двор
Здесь ненавистны всем, друзья их нам позор!
Путь к счастью тебе в покорности остался.
Я весь мой долгий век за родину сражался;
Неблагодарной, ей, как верный сын служил;
Несправедливую, всегда ее любил;
Так буду поступать до самой я могилы.
Последуй мне, утешь ты старца дни унылы.
Жизнь треволненную готов я окончать:
Твою – обязана ты долгу покорять;
И с миром очи я, сходя во гроб, закрою,
Коль счастье твое пред смертью устрою.

Аменаида

Заботься менее об участи моей.
Не сожалею я, оставив двор царей:
Родитель, всё в моем ты сердце заменяешь;
Но им поспешно так почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положишь,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но всё пременчиво. Увы! сему герою,
Быть может, рано ты дал право надо мною.

Аржир

Как, что ты говоришь?

Аменаида

Прости, коль речью сей,
Быть может, нанесла я скорбь душе твоей.
Я знаю, что наш пол, в сей области свободы,
Законом осужден скрывать и глас природы;

Но сердце пред тобой не в силах чувств сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачем, как сей союз предположить решился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ах! что переменить любовь твою могло?

Аржир

Ты, ты одна, ее употреби во зло.
Доселе я внимал, скрывая гнев правдивый,
Но больше не внемлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мне прервать:
Я слово дал; ему бесчестно изменять.
Несчастливым я рожден, сама ты мне вешала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный век мой был как море в бурный час.
Порадуй, о мой бог, меня ты в первый раз!
Да дочь, сверша сей брак, в нем счастье познает
И радостней, чем я, путь жизни протекает.

Явление пятое

Аменаида

Танкред, о друг души! как, мне толь слабой быть?
Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, как он, и, клятвам изменяя,
С сим хищником твое наследство разделяя,
Чтоб я теперь могла...

Явление шестое

Аменаида и Фани.

Аменаида

О Фани, поспеши!
Познай, о верный друг, всю грусть моей души:
Отцом я названа супругой Орбассану!

Фани

Как! сердцу твоему наносят нову рану?
Но тщетно льстился им кичливый мусульман,
И тщетно, вняв отцу, сей рыцарь Орбассан
Над избранным тобой дерзает возвышаться;
Твоя душа верна.

Аменаида

Ах! можно ль сомневаться?
Танкред лишен всего, гоним здесь от врагов;
Но быть в гонении – героя рок таков;
А мой – его любить всех более на свете!
О Фани, в сих стенах жалеют о Танкреде?
Народом он любим...

Фани

Гонимый с юных дней,
В своем отечестве забыт он от друзей;
Об участи его немногие жалеют.
Вельможи здесь одну корысть в виду имеют;
Народ, сей страстью чувств еще не заглушив,
И боле жалостлив...

Аменаида

И боле справедлив.

Фани

Но здесь он угнетен; и сонм друзей сокрытый
Изгнанника сего не смеет быть защитой.
Жесток и всемогущ верховный здесь совет.

Аменаида

Он всемогущ, когда отсутствует Танкред.

Фани

О, если бы он мог во граде сем явиться,
Тогда могла б твоя надежда совершиться.
Но тщетно всё, увы, от нас он удален;
Надежда...

Аменаида

В боге вся! меня услышит он!
Вверяюся тебе: Танкред уж недалеко;
И как толпа врагов, свершая ков жестокий,
Его на вечное изгнание обрекла,
И как тиранов власть пределы превзошла, –
Вот время – и Танкред к их трепету явится.
Уже в Мессине он.

Фани

О небо! и свершится
Сей недостойный брак в Танкредовых глазах?

Аменаида

Нет – не свершится он... нет, Фани, тщетен страх!
И, может быть, мои гонители со мною
Владыку одного признают над собою.
Познай, открою всё, – но твердость нам нужна:
Постыдно иго мне – и свергнуть я должна.
Гоненьем робкая душа моя крепится.
Бесчестно изменить, и подлю покориться.
Так, для меня одной здесь явится Танкред,
И льщусь, того меня достойною найдет. –
Кто? я, отцом моим жестоко угнетенна,
Как слабая раба тирану обреченна,
Чтоб я могла, как долг, измену совершить?...
Нет, нет! меня ничто не может утратить!
Любовь и в робкий пол бесстрашие вселяет.
Пускай моя любовь Танкреда возвращает;
И если зрю беды в намереньях моих,
Они приятны мне, любовь рождает их.

Конец первого действия.

Действие второе

Явление первое

Аменаида и Фани.

Аменаида

Что делаю? в душе невольное волненье!
Не угрызения ль?... родит их преступленье,
Но небо ведает, как чуждо мне оно. –
Так успокоимся. *(Ко входящей Фани)* Всё ль,
Фани, свершено?

Фани

Невольник отошел с письмом, тобой врученным.

Аменаида

Важнейшим таинством, в сем сердце заключенным,
Теперь владеет он; не сомневаюсь в нем;
Всегда он верен мне в служении своем;
Им убежденный мавр письмо мое к герою
В Мессину принесет с заутренней зарею.

Фани

Страшусь – и тем одним я рассеваю страх,
Что имя рыцаря, о коем в сих стенах
Молва единая тиранов ужасала,
Что имя ты сие в письме не начертала;
И что его один узнает лишь Танкред.
Но всё смущаюсь я, чтоб небо новых бед...

Аменаида

Сим небом дни мои от юности хранятся;
Танкред к нам им ведом, и мне ль теперь смущаться?

Фани

В других пределах вас да соединит оно;
Здесь всё против него враждой возбуждено.
Друзья его молчат, и кем он защитится?

Аменаида

Своею славою! Лишь должен здесь явиться –
Владыкой будет он; он всех пленит собой;
Смягчает все сердца страдающий герой.

Фани

Опасен враг его...

Аменаида

Рассей боязнь мечтаний
И не смущай моих ты твердых ожиданий;
Ты не забудь, что мать в последний жизни час,
На смертном уж одре благословила нас,
Что мой с тех пор Танкред, что нет на свете власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти. –
Ах, в недрах славы с ним, Византии в стенах
Тужили часто мы о скорбных сих странах;
С ним часто жадный взор к полям сим обращали,
К полям, где обрести блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтоб здесь враждебный рок
Танкредова врага супругом дать мне мог.
И чтоб сей враг принес – как дар, мне на терзанье,
Им похищенное Танкредово стяжанье?...
Нет – пусть уведает он о злодействах сих;
Пусть вспомнит о себе, о бедствиях моих,
И защитит права, нарушенны безбожно.
Чтоб за Танкреда мстить, я делаю что должно;
Коль можно б – сделала и более сего!..
Люблю, страшусь отца и старость чту его,
Но я воздвигла б здесь стеньящие народы
На Орбассана, нас лишившего свободы.
Он славных рыцарей почтенный сан срамит:
Корыстен, горд, жесток, и он о чести мнит!
И вольности граждан покровом быть мечтает!
Он стыд готовит мне, а мой отец свершает!
И я должна терпеть? и я должна молчать?
Брак с ненавистным мне должна я в честь вменять?...
Ах! в вольном граде сем тиранство так гонимо;
Но всех несноснее и больше всех терпимо
Хотящее сердцам законы подавать
И силою своей их чувства изменять.
Но жребий мой решен.

Фани

Но ты пред сим страшилась.

Аменаида

Я боле не страшусь.

Фани

Молва распространилась,
Что страшный изречен Танкреду приговор;
Он смертью всем грозит, кто б смел с ним в заговор...

Аменаида

Я слышала о нем, и ужасом смутилась;
Но верная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! мной любим бестрепетный герой;
Бестрепетна и я.

Фани

Ужель и над тобой
Жестокий сей закон возможен совершиться?
Одной лишь черни в страх он, верно, возвестится.

Аменаида

Танкреда он гнетет, и ненавистен он!
О, сколь сих рыцарей достоин сей закон!
Ах, нет! не так себя их предки прославляли;
Не так они страны и души покоряли.
Италия, признав господство воев сих
И их меча страшась, любила кротость их;
Завистная вражда их душ не помрачала,
И честь – сих витязей сердца соединяла.
Они вселяли страх в одних своих врагов;
Народ любил их власть и лил на битвах кровь
Для славы рыцарей и собственной свободы.
Смирялися тогда византские народы,
И мавра грозного не трепетал сей град.
А ныне что в нем зрю? бессильный лишь сенат,
Подозревающий, враждою разделенный,
Страшущий сам себя и гражданам презренный.
Чрезмерно, может быть, мой дух воспламенен;
Предубеждением, быть может, ослеплен;
Но всё, что не Танкред, – я всё то ненавижу;
Я в мире ничего, кроме его, не вижу;
Танкред один везде, всегда в моих очах,
И каждый враг его – Аменаиде враг!

Явление второе

Аменаида, Фани, вблизи Аржир и рыцари во глубине театра.

Аржир

Удар сей перенести, друзья, мне дайте силу...
Не мнил я низойти с бесчестьем в могилу!
(К дочери, со вздохами, прерываемыми гневом)
Беги, несчастная, не возмущай собой...
Беги...

Аменаида

Что слышу я? и ты, родитель мой...

Аржир

И имя ты сие произносить дерзаешь,
Когда отечеству и чести изменяешь?

Аменаида

(сделав шаг, чтобы идти, склоняется на Фани).

Погибла я!

Аржир

Постой и зри ток слез моих.
Ах! что ты сделала?

Аменаида

(рыдая)

Несчастье обоих.

Аржир

Иль слезы о твоём злодействе проливаешь?

Аменаида

Злодейства я чужда.

Аржир

Письмо ты отвергаешь?

Аменаида

Нет.

Аржир

Так, черты сии преступницу винят,
Изобличают всё и сердце мне разят!
Итак, всё истинно? Ты отвечать не смеешь?
Скажи, ах, нет! молчи, когда отца жалеешь.
Почто до бедствий сих велел дожить мне бог,
Велел мне зреть... Ах! что ты сделала?...

Аменаида

Мой долг;
Ты совершил ли твой?

Аржир

Ах, рода поношенье!
Или себе ты в честь вменяешь преступленье?
Беги, оставь меня убитого тоской;
Закроются глаза мне чуждою рукой.

Аменаида

(почти лишенная чувств и поддерживаемая от Фани, уходит)

Нет боле сил!

Явление третье

Аржир и рыцари.

Аржир

Друзья, в сем страшном положены,
Как дочь обличена в бесчестном преступленьи,
Простите старцу вы его прискорбный стон:
Внемля отечеству, природе внемлет он.
Вы не потребуйте, чтобы отец стелящий
В ваш грозный приговор вмешал свой глас дрожащий
Увы! не может быть невинной дочь моя;
Но вдруг произнести мой срам и смерть ея?...
Нет, нет, не требуйте, чтобы отец несчастный
Превыше сил своих исполнил долг ужасный.

Лоредан

Почтенного отца мы горести делим
И тяжких язв его в душе не растравим, —
Но сам, Аржир, ты зрел несчастной начертанье;
Зрел в нем преступное изменницы желанье.
Гонец захвачен с ним близ стана самого,
И дерзкий Соламир мог видеть казнь его.
Их злые замыслы открыты слишком были
И явной гибелью отечеству грозили.
Его опасность, долг, народа общий глас
Не суетных угроз днесь требуют от нас.
Отцовской жалости законы не внимают;
Пред ними всё молчит.

Аржир

Чего они желают,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ах! она мне дочь — вот мой несчастный зять.
Я скорбию убит... вам жребий мой вверяю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

Уходит.

Явление четвертое

Рыцари.

Катан

Уже поведено ей с стражей здесь предстать.
Так, без сомнения, прискорбно нам взирать
На юность, красоту, на деву толь почтенну,
С надеждой двух домов в могилу заключенну.
Но на бесстрастный суд, друзья, мы призваны.
За поругание мы веры мстить должны;
Отечество равно отмщенья ожидает:
Изменница в наш град злодея призывает!
Видали в Греции и жен мы и граждан,
Что, славы отложась и веры христиан,
Передавались неверным мусульманам,
Сим алчным хищникам, презренным сим тиранам;
Но чтобы дочь отца, почтенного всем нам,
Для клятв супружеских вступая в божий храм,
Свершила заговор толь гнусный и презренный!..
Неслыханным наш град злодейством посрамленный,
К примеру вечному желает казнь узреть.

Лоредан

Стеня, произнесу: ей должно умереть.
Чем род ее славней, важней тем злодеянье.
Известно мавра нам надменное мечтанье,
Любовь к изменнице и дар его – пленять,
Вселять разврат в сердца и взоры ослеплять.
К нему относится в письме ее воззванье:
«Приди и царствуй здесь». Преступное желанье
Нам возвещает их открытый заговор;
О прочем умолчу, (к Орбассану) скрывая твой позор
И общий стыд. – И кто, всему в бесчестье граду,
Здесь кто из рыцарей, по древнему обряду,
Отважится мечом измену защищать
И, презря чести долг, злодейство оправдать?

Катан

Обиду, Орбассан, мы все делим с тобою,
И в ратном поле мы ее омоем кровью.
Изменой прерван брак, забудь преступный взор:
Немедля казнь ее отмстит за твой позор.

Орбассан

Ужасна казнь ее... Верна или неверна,
Я был ее жених... и грусть моя безмерна.
Но стражей вижу я – и вот сама она!
Темниц ведома в мрак, цепями отягчена...
Позорище сие мне стыд и оскорбленье!
Друзья! оставьте с ней меня.

Явление пятое

Рыцари, вблизи; Аменаида, вдали окруженная стражею.

Аменаида

О провиденье!
Не оставляй меня ты в час сей роковой.
Предмет любви моей ты знаешь, боже мой!
Виновна ли я в чем, мое ты сердце знаешь.

Катан

Преступницу сию еще ты зреть желаешь?

Орбассан

Хочу.

Катан

Пойдем, друзья; но, говоря ты с ней,
Законы помни, честь и святость алтарей;
Они поруганы и мести ожидают.

Орбассан

Всё знаю; долг и честь мне то напоминают.
(К стражам) Вы удалитесь.

Явление шестое

Аменаида и Орбассан.

Аменаида

Что смеешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

Орбассан

Не постыжу себя жестокостью такую.
Супругой избрана была самим ты мною;
И, может быть, любовь внушала выбор сей.
Не знаю, помнит ли душа моя об ней
Или уже скорбит, что власть ее познала;
Но я не потерплю, чтоб честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрен Орбассан
Для нечестивого владыки мусульман,
Для вечного врага священной нашей веры –
Злодейства равного неслыханны примеры!
Для чести сей страны, для собственной моей
Я верить не хочу ужасной вести сей.
Со дня сего тебе супругом нареченный,
Твоим бесславию сам лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долг считаю мой.
Законы рыцарей определяют бой,
В котором мощь руки суд божий¹ совершает;
В нем меч решит, и он невинность возвращает.
На бой сей я готов.

Аменаида

Ты?

Орбассан

Я один, и льщусь,
Что после подвига, к которому стремлюсь,
Который честию пред всеми оправдится,
Принадлежавшее мне сердце вновь потщится
Меня достойным быть. Входить не стану я,
Была ли юная пред сим душа твоя
Коварного врага соблазнена прельщением,
Иль, ослепленная минутным заблуждением,
Противилась ты вступить во брак со мной.

¹ Сии битвы называли судом Божиим.

Над благородною, чувствительной душой
Благотворение власть сильную имеет;
Над добродетелью – один упрек успеет.
Не сомневаюсь о чести я твоей;
Но мало мне сего: от гордости ль моей
Или то от любви, – хочу, по праву власти,
Увериться в твоей нелицемерной страсти.
Кляtv строгих требуют законы в сих странах;
Я требую одной – не той, какую страх
Иль принуждение у слабых исторгают,
Что чувствам вопреки во храмах расточают:
Ты прямо говори моей душе прямой.
Скажи – и меч в руке, и я готов на бой,
Готов на смерть – но с тем, что я любим тобою.

Аменаида

В пучину бедствия низверглась я судьбою,
И, к ужасу, едва приведена в себя, –
Сей подвиг доблестный, неожиданный от тебя,
Ударом душу мне последним поражает
И в ждавшую меня могилу повергает!
О рыцарь! я должна тебя благодарить;
И в час, когда во гроб готова я ступить,
В последний жизни час – тебя я почитаю.
Познай меня теперь: я сердце открываю.
Ни чести, ни стране не изменяла я,
Ни самому тебе; я не была твоя.
Ты можешь упрекать душе моей смятенной
Неблагодарностью, но никогда изменой. –
Я не могу тебя любить... Нет, сей ценой
Защиты не куплю: я отвергаю бой.
Я знаю, что у вас законы беспощадны,
Что казнь готовят мне тираны кровожадны;
Суровой гордостью я не могу блистать,
Чтобы без ужаса смерть грозную встречать.
Нет, жизнь любезна мне... В сем бедствии ужас
Я плачу о себе и об отце несчастном.
Но и в несчастьи, в ужасной доле сей
Не обману тебя: не жди любви моей.
Теперь кажуся я виновна пред тобою;
Но знай, что я была б преступница душою,
Когда бы до того забыла долг и честь,
Чтоб сердце в дар тебе решилася принести.
Ни женихом, прости, коль речью оскорбляю,
Ни рыцарем моим тебя не избираю.
Вот мой ответ; суди – и честь свою отмщай.

Орбассан

Я буду отомщать – отечественный край;
Презрение ж прости, а дерзость презирая,
Забуду их. – Итак, бой судный оставляя,
Пред мной и пред тобой чист в совести моей,
Отныне становлюсь твоим лишь судьей,
Закону преданным, равно как он бесстрастным,
Ни сожалению, ни гневу непричастным.

Явление седьмое

Аменаида и стражи вдали.

Аменаида

Теперь свершилось всё... я жертвую собой!
О друг единственный, о друг несчастный мой!
Ты, для которого я жизнью дорожила,
Я за тебя теперь свой приговор свершила!
Так, за тебя умру... Но тяжкий сей позор!
Но горестный отец, представший вдруг пред взор!
Оковы, сонм убийц, орудья грозной казни!
Смерть страшную снести без трепетной боязни?
Мученье, вечный стыд?... Ах, мысль одна мертвит!
Нет! за Танкреда смерть меня не постыдит.
Не наказать меня, но умертвить лишь можно.
Как? пасть в глазах граждан преступницей мне должно?...
Я верной им была – и казнь несу от них!
Но ах, в невинности свидетелей других
Не буду я иметь кроме души невинной!

(К входящей Фани)

Ах! где ты, где, Танкред?... О друг мой здесь единой!

Фани, рыдая, целует ее руки.

Еще позволено тебя мне, Фани, зреть!

Фани

Зачем я не могу здесь прежде умереть!

Стражи приближаются.

Аменаида

Чудовища идут нас разлучить с тобою!
Скажи ты некогда любимому герою,
С какими чувствами я в самый гроб сошла;
Пусть знает, Фани, он, верна ли я была;
Скажи, какой меня постигнул рок ужасный:
Он, может быть, слезу прольет о мне, несчастной!
О Фани! за него себя я предаю;
Но мыслию об нем смягчу я смерть мою.

Конец второго действия.

Действие третье

Явление первое

Танкред, сопровождаемый двумя щитоносцами, которые несут его копье, щит и проч., и Альдамон.

Танкред

Для благородных душ мила страна родная!
Приветствую тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамон, друг юности моей,
Тебе обязан я блаженством жизни сей;
Твоим усердием сюда я возвратился.
Как счастлив стал Танкред! мой жребий изменился!
О друг мой! сколь важна услуга мне твоя –
Лишь чувствовать могу, сказать не в силах я.

Альдамон

Ничтожную, Танкред, услугу выхваляешь,
И низкий жребий мой ты много возвышаешь;
Я гражданин простой, и счастлив тем стократ...

Танкред

Я то же, что и ты: всяк гражданин мой брат.

Альдамон

Два года при тебе я в бранях подвизался,
И славе дел твоих два года удивлялся,
Смотря, как превышал ты праотцев своих;
Вот всё достоинство услуг и дел моих.
В почтенном доме мне отцов твоих рожденный,
Воскормленный от них, тебе препорученный,
Я должен...

Танкред

Должен ты теперь мне другом быть.
Вот град, который я стремился защитить;
Вот град отеческий, вот стены те святые,
Где я увидел свет, и в дни мои молодые
Из коих изгнан я! О друг, в каких местах
Живет Аржира дочь?

Альдамон

Во древних тех стенах;
Пред ними пышный кров чертогов возвышенных,
Где заседает сонм тех рыцарей почтенных,
Судей священный сонм, тот бодрственный сенат,
В чьей длани жезл суда и меч на сопостат.
Их сонм везде б разил магометан средь боя,
Коль не был бы лишен храбрейшего героя.
Вот копья их, щиты, их надписи висят,
И пышностью своей народу говорят
Об их деяниях, со славою свершенных:
Не зрят лишь твоего меж сих имен почтенных.

Танкред

Сокроем имя мы в враждебных сих стенах;
Известно, может быть, оно в других странах.

(К щитоносцам)

Вы знак мой с именем повесьте истребленным,
Чтоб не был в ярость он врагам моим презренным;
Доспехи без убранств, знак горести моей,
Какими их носил средь бранных я полей,
Копье и щит простой и шлем неукрашенный
Повесьте, воины, на те печальны стены.

Щитоносцы вешают его оружие на пустых местах между другими трофеями.

Но надпись на щите храните, о друзья!
В ней всё, что славно мне, и всё, в чем жизнь моя!
Она всегда в боях мне мужество вдыхала,
Она везде мою надежду составляла;
Священны в ней слова; они – Любовь и Честь.
Пришедшим рыцарям вы объявите весть,
Что воин чуждый им, но имя сокрывая,
Пришел в сей град, служить в их воинстве пылая,
И славу ставит в том, чтоб им лишь подражать.
(К Альдамону) Кто вождь их?

Альдамон

Третий год уж начал истекать,
Как ревностный Аржир.

Танкред *(в сторону)*

Отец Аменаиды!

Альдамон

Но долго рыцарь сей неправые обиды
От страшных нам досель его врагов сносил.
Власть должну наконец сенат ему вручил;
Здесь имя чтут его и честь и важность сана;
За старостью ж его избрали Орбассана.

Танкред

Танкредова врага! злодея моего!
Друг, что еще дошло до слуха твоего?
Скажи мне, правда ль то, что рыцарь сей надменный,
Незлобного отца прельстивши дух смиренный,
Приязни от него обет уже приял?
Что и на дочь его взор дерзкий простирал,
Что даже смел уже мечтать о браке с нею?...

Альдамон

Вчера я поражен молвой противной сею;
Но, находясь всегда при укрепленьи том,
Где мною встречен ты при вшествии твоём,
От града удален, я более не знаю,
Что делалось в стенах, которы презираю;
Они ужасны мне, ты в них гоним враждой.

Танкред

О друг, вверяюся тебе я всей душой!
Спеши в Аржиров дом, узри Аменаиду,
Скажи, что гражданин, неведомый по виду,
Усердьем движимый и к чести дома их
И к имени ее, кто с юных дней своих
Ее почтенну мать, почтенный род их знает,
О тайном слове лишь мблить ее дерзает.

Альдамон

В их доме заслужил свободный я прием;
Всех видят с радостью, всех уважают в нем,
Которые к тебе остались усердны.
Коль небо помощь даст – мои успехи верны.

Явление второе

Танкред

Поможет мне оно; сим небом сохранен,
Сим небом я к стопам любезной приведен.
Везде, всегда готов щит неба неизменной
Для чести истинной и для любви священной.
Под ним я протекал стан мавровых полков;
Сей щит и здесь меня покроет от врагов.
От воинств кесарских, от Иллирии дальней,
К любезной я спешил в край родины печальной,
Неблагодарной мне, – но и в судьбе сей злой,
С Аменаидою толико мне драгой!
Порукой мне была любовь Аменаиды,
Что сердце здесь мое не понесет обиды.
Пришел – другой готов здесь с нею в брак вступить!
Ужель она сама могла мне изменить?
И кто сей Орбассан? и кто сей дерзновенный?
Какой здесь и когда им подвиг совершенный
Так возгордил его, что требовать он смел
Награды, должной быть наградой славных дел,
Заслуженной в боях и ранами и кровью,
И присужденной мне хотя одной любовью.
Чтобы лишить ее, пусть враг мне жизнь прервет;
Но верность мне она и в самый гроб снесет.
Не может мой злодей господствовать над нею;
Душа ее во всем равна с душой моею.
Аменаида! так, ты в бедствиях тверда,
Боязни, ужаса, неверности чужда.

Явление третье

Танкред и Альдамон.

Танкред

Ты был, ты зрел ее, о друг стократ счастливый!
Ах, предводи меня, мой взор нетерпеливый...

Альдамон

Не подходи, Танкред, к ужасным тем местам.

Танкред

Что слышу! по твоим что думать мне словам?

Альдамон

Что должен ты бежать от сих берегов несчастных
После соделанных в сей день злодейств ужасных
Здесь быть не возмогу – я, гражданин простой.

Танкред

Как?

Альдамон

Мужеством твоим служи стране иной:
В Царьграде честь тебя и слава ожидает;
Но в сих местах уже не обитает.
Беги – сей град навек покрыл позор и срам.

Танкред

Я с ужасом внемлю сим неожиданным словам!
Что зрел, что слышал ты из уст Аменаиды?

Альдамон

Забудь, о рыцарь, ты смертельные обиды;
Забудь...

Танкред

Так Орбассан уже владеет ей?
Гонитель злобный мой, отца ее злодей?

Альдамон

Сим утром от отца союз их утвердился,
И пир погибельный в стенах провозгласился...

Танкред

И мне весь ужас зреть предательства сего!

Альдамон

Вся область древнего наследства твоего
Дана им в брачный дар. Соперник твой презренный
Похитил твой удел, отцами обретенный.

Танкред

Польстился, подлый, тем, что я в ничто вменял.
Но, небо, и ее властителем он стал?
Аменаида...

Альдамон

Ах! свирепую судьбою
Удар ужаснейший свершен здесь над тобою.

Танкред

Жестокий! перестань мне душу раздирать,
Умолкни... Нет, вещай.

Альдамон

Чтоб браком сочетать
Аржира дочь с твоим гонителем надменным,
Уже возжгли огонь пред алтарем священным;
Но вдруг открылося предательство ее:
То мало, что душа обманута твоя;
Неверной обоим нанесена вам рана.

Танкред

О небо! для кого?

Альдамон

Для чуждого тирана,
Для злобного врага свободных наших стран,

Для Соламира.

Танкред

Как? неверный мусульман,
Сей мавр!.. о ней вздыхал в Царьграде он, несчастный,
Но презрен ею был, но я любим был страстно.
Не будет от нее обет святой забыт;
То ль сердца чистого порок не осквернит.
Нет, нет, не может быть.

Альдамон

И сам я сомневался;
Но страшный слух о сем по стогнам всем раздался.

Танкред

Постой – я клевету и зависть сам познал.
Ах! честный человек где оных избегал?
С младенчества гоним, в напастях возрастая
И с мужеством одним скитаясь в край из края,
Я зрел, как зависти везде шипят уста;
Я зрел от юных лет, что мрачна клевета
Равно в республиках, как в царствах, обитает
И из нечистых уст яд черный извергает.
Аржир, терзаемый здесь кознями ее,
Страдал подобно мне. Коль не ошибся я,
Сие чудовище гнездится в здешнем граде
И лютых змей своих растит в том смертном яде,
Что в пленных им сердцах крамолы лишь родит.
Враждебны сонмища, я знаю, что крутит:
Аменаида их здесь терпит оскорбленья.
Хочу я зреть ее, вещать для убежденья.

Альдамон

Остановись – сказать я должен обо всем.
Уже разлучена с своим она отцом,
Уже в цепях...

Танкред

Она!..

Альдамон

И, может быть, ты вскоре
Ее увидишь здесь в ужаснейшем позоре.

Танкред

Аменаиду!

Альдамон

Ах, коль здесь таков закон –
Жесток, несправедлив, бесчеловечен он!
Здесь ропщут, плачут все, но только плакать смеют.

Танкред

Аменаиду!.. нет, – поверь мне, не успеют;
Нет, варварство сие не будет свершено!

Альдамон

Уже судилище толпой окружено.
Чернь вопит на нее, преступной называя,
И, к виду грустному взор жадно устремляя,
С нетерпеливостью и жалостью в очах
Вокруг темничных стен волнуется в толпах.
Через миг предстанут здесь.

Танкред

Кто старец сей почтенный,
Который шествует из храма толь смущенный?
И слуги грустные последуют ему.

Альдамон

Несчастнейший Аржир...

Танкред

Поди, и никому
Не говори о мне.

Явление четвертое

Аржир выходит со стороны, Танкред впереди, Альдамон вдали.

Аржир

О смерть, скончай мученье!

Танкред *(после молчания)*

Почтеннейший Аржир!.. прости мне дерзновенье:
Ты знаешь рыцарей, которых грозный сонм
Внес в области Луны господен крест и гром,
Чтоб лавры заслужить среди священных боев:
Ты зришь всех меньшего из тех великих воев.
Пришел я, – но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдруг мои с твоими я солью.

Аржир

Одна твоя душа скорбеть со мной дерзает;
Здесь всё меня бежит или терзать желает.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но с кем я говорю?

Танкред

Пришлец в земле я сей,
Исполненный к тебе и дружбой и почтеньем,
Трепещущий спросить, терзаемый сомненьем...
Несчастный, как и ты!.. Но, для небес самих,
Еще ты раз прости мне дерзость слов моих:
Как, правда ль, дочь твоя...?

Аржир

О, правда безотрадн!..
В сей самый час ее постигнет казнь нещадна!

Танкред

Она преступница?

Аржир *(задыхаясь от рыдания)*

Она – мой вечный срам!

Танкред

Как, дочь сия?... Аржир, по дальним сторонам
Об имени ее молвы я быв свидетель,
Считал, когда живет в сем мире добродетель,
Аменаидина душа – есть храм ея.
Она преступница! правдива весть сия?
О день, ужасный день!

Аржир

Что боле ужасает,
Что гроб отверзло мне и дух мой заставляет
Без утешения в могилу нисходить,
Что дочь, в злодействе сем, спокойной может быть.
Увы, в защиту ей никто здесь не явился;
Со стоном приговор на смерть ее свершился;
И не зря на обряд старинный в сих странах,
Чтоб защищать сей пол в торжественных боях,
Дочь злополучная в сей миг на смерть исходит
И рыцаря себе к защите не находит.
Вот что меня срамит, вот что меня гнетет;
Всё стонет, всё молчит, никто не предстает!

Танкред

Предстанет, и страшись ты, старец, сомневаться.

Аржир

Какой надеждою велишь ты мне ласкаться?

Танкред

Предстанет, – но не дочь твою чтоб защитить,
Достоиную сего она не может быть,
Но за святую честь отцов ее почтенных,
За славу добрых дел, тобою совершенных.

Аржир

Ах! мой унылый дух твой оживляет глас.
Но кто же явится на поприще за нас?
Весь град сей в ужасе, и кто меня спокоит?
Кто руку помощи подать мне удостоит?
Не смею льститься тем... Кто станет в битву?...

Танкред

Я! Я, говорю тебе; и коль рука моя

От праведных небес в бою благословится,
Тогда в признательность позволь мне удалиться,
Ни дочери твоей не быв перед лицом,
Ни открывая вам об имени моем.

Аржир

Ах! бог тебя к нам вел спасительной рукою.
Хоть чужд веселия, убитый я тоскою,
Но чувствую, что я отраднее дышу.
Ах! можно ли мне знать, прости, когда спрошу,
К кому питаю я признательность, почтенье?
Всё кажет мне твое высокое рожденье.
Кого, кого в тебе зрю?

Танкред

Мстителя ты зришь.

Явление пятое

Орбассан, Аржир, Танкред, рыцари и воины.

Орбассан

Страна в опасности. Аржир, ты так ли мнишь,
Чтоб с воинством из стен мы завтра выходили?
Мы так решили все. – Те, кои изменили,
Врагам перенесли прошедший наш совет,
И Соламир на нас полки свои ведет;
Мы сами встретим их. – Теперь, Аржир, скрепись;
Или от зрелища ты лучше удались,
Печального для нас, позорного стране.

Аржир

Довольно, Орбассан; теперь осталось мне
Идти, и между вас пасть мертвым среди боя.

(Указывая на Танкреда)

Туда сведут меня стопы сего героя;
И я хоть тем свой род от срама освобожу,
Что за отечество главу мою сложу.

Орбассан

Такие чувства души твоей достойны.
Рассей в последний раз врагов толпы нестройны.
Но прежде удались, и стогн оставь ты сей;
Здесь уготовлен вид не для твоих очей.
Подходят...

Аржир

Боже мой!

Орбассан

От отческого взора
Сокрой ты ужасы несносного позора.
Меня здесь держит сан, и долг жестокий мой
Велит мне воздержать волнение черни злой.
Законами ни в чем небрежность не терпима;
Их сила грозная должна быть мной хранима.
Тебя ж, кого сей долг ужасный не тягчит,
Что держит здесь, и кто тебе смотреть велит,

Как кровь виновная законами прольется?
Идут – ты удались.

Танкред (*взяв за руку Аржуира*)

Нет, здесь он остается.

Орбассан (*осматривая его*)

Но ты – ты кто такой?

Танкред

Твой враг и старцев друг,
Отмститель, может быть, и тот, чьих здесь услуг,
Равно как и твоих, отчизна ожидает.

Явление шестое

Те же; Аменаида, в цепях, окруженная стражею, рыцари и народ наполняют площадь.

Аржир (*Танкреду*)

Дай руку, рыцарь, мне... мой дух изнемогает;
Сокрой меня отсель... Увы, вот дочь моя!

Танкред

О, недостойный вид!

Аменаида

Небесный судия!
Ты всё протекшее и будущее знаешь;
Один ты справедлив, ты в помыслах читаешь.
Но мрачная толпа неправедных людей
И судит и винит во слепоте очей.
Граждане, рыцари, вы все, чьей днесь рукою
Кровавый приговор свершался надо мною,
Не к оправданию предстала я пред вас:
Небесный судия пускай рассудит нас.
Безбожного суда орудий сонм надменный,
Так, мной поруган ты и твой закон презренный;
Закон сей был свиреп, и нестерпим он стал;
Так, оскорблен отец, меня он угнетал;
Поруган Орбассан, и нагло и кичливо
Мечтавший сердцем сим владеть несправедливо.
Народ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, но выслушай, познай мою напасть:
Кто к богу на ответ без трепета стремится,
Тот людям истины сказать не устрашится;
И ты, о мой отец! сей видя мой позор,

(Увидя Танкреда)

Как мог ты... Боже мой! кого встречает взор?
О боже! – это он?...

(Падает без чувств.)

Танкред

Ах! взор дерзнув простерти,
Упреком сражена!.. Пойдите, слуги смерти,
Пойдите, граждане, и отложите месть.
Защиту я беру, я оправдаю честь,

Сей девы рыцарь я: отец ее почтенный,
И сам, равно как дочь, ко смерти осужденный,
В покров невинности мой меч избрать почтил,
Чтоб он в моих руках суд божий совершил.
Вот храбрых рыцарей священнейшие права.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, судии, обряд нам боевой.
О гордый Орбассан! – тебя зову на бой.
Ты знаменит, ты вождь, ты чтешься первый воин,
Так чести вызова, надеюсь, ты достоин.
Иди предать свой дух или исторгнуть мой.
Смертельной битвы знак бросаю пред тобой.

(Бросает перчатку)

Осмелишься ль поднять?

Орбассан

С надменностью твоею
Не стоишь, чтоб тебя почтил я честью сею:

(Дает знак щитоносцам, чтобы подняли перчатку)

Честь делаю себе; и сердца глас внушив
И старца власть, тебя избравшего, почтив,
В единоборство я хочу вступить с тобою
И наказать тебя за дерзость удостою.
Кто ты? какой твой сан и имя? Сей твой щит
Не много о твоей нам славе говорит.

Танкред

Его прославить я сегодня уповаю;
Об имени ж моем – молчу, и так желаю;
Познаешь ты его с оружием в руках.
Пойдем.

Орбассан

Да в сей же миг на боевых местах
Ограду растворят. Аменаида боле
Не остается здесь под стражею дотоле,
Пока ничтожный сей не совершится бой.

С Аменаиды снимают оковы.

Друзья, мгновенно круг оставив боевой,
Иду, куда нас мавр к победе призывает.

Честь поединщиков с их жизнью погибает.
Одна прямая честь – отечеству служить.

Танкред

Пойдем! О рыцари, я смею возвестить,
Что принесет не он отечеству спасенье.

Аржир (*уводя с Фани Аменаиду*)

О боже, призри ты на старцево моление²!

Конец третьего действия.

² Следующее за сим явление, никогда не играемое и на французских театрах, в переводе выпущено. Переводчик вообще осмелился опустить некоторые стихи и сократить разговоры, которыми часто, как признали и французские критики, охлаждается ход сей трагедии, писанной Вольтером уже в старости.

Действие четвертое

Явление первое

Танкред, Лоредан и рыцари.

Воинский марш; перед Танкредом несут его оружия и доспехи Орбассана.

Лоредан

Так, бой твой знаменит, но гибелен нам был:
Избраннейшего ты нас рыцаря лишил,
Который к родине любовью был славен
И мужеством своим с тобою только равен;
Позволишь ли теперь узнать твой род, твой сан?

Танкред

(в мрачной задумчивости)

Его со смертью познал лишь Орбассан,
И тайну и мой гнев сокрыл с собой в могилу.
Оставь в неизвестности судьбу мою унылу;
Коль я полезен вам, нет нужды знать, кто я.

Лоредан

Да будет скрытою от нас судьба твоя;
Но добродетели яви свои пред нами
Полезным мужеством и славными делами.
Здесь веют знамена враждебной нам Луны;
Ты защити права и веру сей страны.
Надменный Соламир нас вызывает к бою:
Героя нас лишив, ты замени собою;
Тебя ждет гордый мавр.

Танкред

Даю я слово вам,
Пред воинством идти во сретенье врагам,
И слово то сдержу. Срацин вам ненавистный
Стократно меньше ваш, чем мой, есть враг завистный,
Непримиримый... но кто б ни был он такой,
Иду я, и готов вступить с ним в новый бой.

Катан

Ты многим нас польстил, сим мужеством пылая;
И сам ты жди всех жертв признательного края,

Достойных жди наград за мужество твое.

Танкред

Здесь нет награды мне; не требую ее,
И вовсе не прийму; для жертвы воздаяний
Здесь нет того, в чем зрел я верх моих желаний.
Когда несчастным я средь боя упаду,
Ни славы, ни наград, ни жалости не жду;
Я совершу мой долг; но тем одним ласкаюсь,
Что с Соламиром я на битве повстречаюсь.

Лоредан

И в том вся наша цель. Но время нас зовет,
И с ним единственный всех наших душ предмет –
Победа. С нами ты делить ее идущий,
Всеобщей вестию познаешь час зовущий
В поля, где встретить нас мечтает вождь врагов.
Дружины все кипят пролить неверных кровь;
Да будет чуждо всем нам чувство другое.
Умрем, или спасем отечество драгое.

Уходят.

Танкред

Достойно или нет отечество того,
Но за него умру.

Явление второе

Танкред и Альдамон.

Альдамон *(в сторону)*

Не ведают его
Смертельной горести, в душе им заключенной.

(К Танкреду)

Но ты, обидою и скорбью сокрушенный,
Исполнишь ли обряд, хранимый сей страной?
Явишься ль в торжестве ты взорам девы той,
Которой честь и жизнь возвращена тобою?
Представишь ли ты ей победною рукою
Кровавый рыцаря сраженного доспех?

Танкред

Нет, не узрю ее.

Альдамон

Как, пред очами всех
Для ней ты в подвиг стал, где смерть тебе грозила,
И от нее бежишь?

Танкред

Она то заслужила.

Альдамон

Я вижу, сколь ее ты раздражен виной;
Но в оправдание ты дал кровавый бой.

Танкред

Всё сделал для нее, и мне то сделать должно.
Хоть вероломная, но зреть мне невозможно,
Чтоб в гроб она несла бесчестие свое.
Хоть меньше б я любил, оставить ли ее?
Я должен был спасти, измены ж не прощаю.
Пускай живет она, и пусть я погибаю.
Но некогда о мне восплачет и она,
О друге, коего навеки лишена,
Чье сердце верное так жестоко терзала...

О! до чего она меня унижила!
И от нее ли мог неверности я ждать?
Ах! существо небес мечтал я обожать;
Считал, что самых клятв и алтарей священных
Святее речь одна из уст ее смиренных...

Альдамон

Иль вероломств одних страна сия полна?
Глава твоя в позор была здесь предана;
Законом здесь гоним, любовью оскорбленный,
Оставь, Танкред, сей край, злодейством отягченный.
Иду с тобой на брань, спешу навек от стен,
От сей обители злодейства и измен.

Танкред

Что за волшебство в ней и в самом преступленья
Ту добродетель мне живет в воображеньи,
Которой образ в ней, мечтающий, я зрел!
Ты, повелевшая, чтоб я в тот гроб нисшел,
В котором без меня сама была б ты зрима,
О вероломная... но всё еще любима!
О ты, которою душа моя жила,
Ах, если б быть могло, ах, если б ты была
То, чем казалась очам моим прельщенным...
Нет, с смертью призрак сей лишь может быть
забвенным;
Но должно вознестись над слабостию сей;
Мне должно... умереть, не думая об ней.

Альдамон

Но менее она винулася тобою.
Неправдой, ты вещал, и мрачной клеветою
Наполнена земля...

Танкред

Ах! узнано о всем;
Всё обнаружено в ужасном деле сем:
Она своей красой прельстила Соламира;
Сей мавр ее руки просил залогом мира.
Дерзнул ли б он искать, любви ее не зная?
Взаимость их была. Вотще я сердцу вняв,
Сомнение питал: и сам ее родитель,
Нежнейший сей отец... ее он обвинитель,
И дочь преступная винит себя сама.
Я зрел, я зрел слова ужасного письма:

«Будь повелителем над нашею странюю,
Над Сиракузами и над моею душою».
Мой жребий совершен!

Альдамон

Но презрит пусть герой
Неблагодарную с толь низкою душой.

Танкред

И, к ужасу, она гордиться тем дерзает!
Мнит, что славнейшего героя избирает!
Ах, мысль сия одна мою всю душу рвет!
Срацин презрительный Италию гнетет;
И безрассудный пол, душою легковёрный,
Сей пол, в их областях до рабства угнетенный,
Почтеньем поражен, которое родит
Завоевателей властолюбивый вид,
Сердцами жертвует тиранам, их гнетущим;
А нам, защите их, для их любви живущим,
У ног их дышащим и гибнущим за них,
Изменой платит нам для варваров своих!
Достанет гнева мне в обиде сей безмерной,
Чтоб проклинать мне жизнь и скрыться от неверной!

Явление третье

Танкред, Альдамон и многие рыцари.

Катан

Все рыцари сошлись, и время их зовет.

Танкред

Я здесь его терял; иду за вами вслед.

Явление четвертое

Те же, Аменаида и Фани.

Аменаида (*прибегая стремительно*)

К ногам твоим паду, о ангел мой хранитель!

Танкред, отвращая лицо, поднимает ее.

Не унижаюсь сим; и скорбный мой родитель
Колена ног твоих идет со мной обнять.
Священный образ твой почто от нас скрывать?
Кто правое мое осудит нетерпенье?
Мной старец упрежден... Но сердца восхищенье
И чувства все излить могу ли пред тобой?
Страшусь тебя назвать... Но вид печален твой?
Могу ли зреть тебя, в местах сих безотрадных,
Не посреди убийц, на кровь мою толь жадных?
Не отвечаешь ты... трепещет грудь моя...
Не смею говорить... увы! что вижу я –
Ты отвращаешь взор... не внемлешь что вещаю.

Танкред (*прерывающимся голосом*)

Поди... утешь отца; его я почитаю.
Другой, важнейший долг отсель меня зовет.
Перед тобой, пред ним исполнил я обет,
И награжден... другой мзды сердце не желает:
Признательность без мер нам тягостна бывает.
Освобождаю я навеки вас от ней...
И ты... располагать властна судьбой своей.
Будь счастлива... а я, я смерть найти желаю.

Явление пятое

Аменаида и Фани.

Аменаида

Жива ли я? на свет еще ли я взираю?
То правда ли, что жизнь мне небом отдана?
И из могилы я ужель извлечена?
О Фани, слышала ль ты приговор мой грозный,
Жестокий, яростный и более поносный,
Чем тот, которым я на казнь осуждена!

Фани

И тем мне и другим душа поражена.

Аменаида

Танкред ли, небеса! здесь говорил со мною?
Ты зрела хладность ту и гордость ту, с какою
Меня презрением обременять он смел?
О Фани! на меня он с ужасом смотрел.
Он спас мне жизнь, чтоб смерть лютей меня сразила!
За что ж, Танкред, и чем твой гнев я заслужила?

Фани

Так, пламенный сей гнев сверкал в его очах
И прерывалась речь хладная в устах;
Он отвращал свой взор, но слезы сокрывая.

Аменаида

Он бросил, он презрел, меня здесь посрамляя!
Чем страшная сия гроза возбуждена?
Чего он хочет? чем в нем ярость возжена?
К кому ревнивым быть он может во вселенной?...
Я славлюсь, я горжусь Танкредом быть спасенной;
Так, он один мне всё, он бог-хранитель мой;
Он жизнь мне возвращал, сам жертвуя собой;
Но я ту самую жизнь не за него ль теряла?

Фани

Быть может, он не знал; быть может, увлекала
Его всеобщая молва у нас людей;
Кто и неверящий не покорится ей?

Невольник, смерть его, несчастное посланье,
Сей мавр, его любовь и дерзкое мечтанье –
Всё, самое тебя молчание винит,
Которым от врагов Танкред тобой сокрыт.
Чей взор сквозь мрак сего покроя проникает?
Но предрассудок в нем наружность осуждает.

Аменаида

Он осуждал меня!..

Фани

Коль слаб он до того,
Вини любовь.

Аменаида (*приняв свою твердость и силу*)

Ничто не извинит его,
Хотя б меня судил весь мир сей ослепленный:
Великий человек, на суд свой утверженный,
И миру б целому противостать посмел.
Так он меня спасти из жалости хотел?
О поругание!.. тебя ль я ожидала?
Я, гибнув за него, с отрадой умирала,
И он осмелился меня подозревать!
Напрасно он всю жизнь прощенья будет ждать.
Так, не забуду я услуги, им свершенной;
Она начертана в душе, им оскорбленной;
Но если он не мог моей любви ценить,
Так сам не может он меня достоин быть,
Увы! из всех обид, перенесенных мною,
Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Фани

Но он еще не знал.

Аменаида

Меня он должен знать!
Он сердце должен был такое почитать;
Уверен должен быть, что невозможно было,
Чтоб сердце ввек мое обету изменило.
Столь твердо и оно, как грудь его тверда,
Возвышенно, как дух высок его всегда;
Но справедливее, чувствительнее боле.
Я отвергаюся в моей ужасной доле
Танкреда – и всего сообщества людей;

Они коварны, злы, все с слабою душой,
То обольстители, то жертвы обольщений;
И, ждущая в тоске конца моих мучений,
Танкреда, всех людей, весь свет забуду я.

Явление шестое

Аржир, Аменаида и свита.

Аржир (*поддерживаемый щитоносцами*)

Престаньте обо мне крушиться, о друзья,
И, предводя меня на поприще вы боя,
Мне дайте там обнять почтенного героя.

(Увидев Аменаиду)

Ах! кто, поведай мне, твоих спаситель дней?

Аменаида

(погруженная в горесть, склоненная одною рукою на Фани и немного обращенная к отцу)

Кто некогда любви достоин был моей,
Герой, моим отцом в сем граде угнетенный,
Врагами изгнанный, священных прав лишенный,
Единственный предмет посланья моего,
Последня, славная ветвь рода своего,
Великий человек, увы! несправедливый;
И словом – он Танкред!

Аржир

Что слышу, несчастливый?

Аменаида

Что в грустной я душе скрыть боле не могла
И, трепеща о нем, тебе передала.

Аржир

Танкред!

Аменаида

И кто другой мой был бы защититель?

Аржир

Танкред, которого сенат наш был гонитель?

Аменаида

Он самый.

Аржир

И для нас что он в сей день свершил!
Отчизны, прав, добра, всего лишен он был,
И сам пришел за нас он жертвовать собою!
Судьи несчастные, мы слабою рукою
Весы и казни меч держа во слепоте,
Как легкомысленны и лживы мы в суде!
Как гордой мудростью ведемся мы в обманы!
Что сделали мы с ним, мы, злобные тираны?

Аменаида

Родитель, на тебя скорбеть могла б и я...
Но столько чувствует вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустная страшится.
Упреком сим один Танкред обременится.

Аржир

Как! тот, кем я живу? твои продлил кто дни?

Аменаида

Уничжительно и тяжки мне они!
Надежда вся в тебе: дай зреть их перемену;
Ах! оправдай мне честь, тобою помраченну.
Кто Орбассана сверг, тот жизнь мне только спас;
Родитель, пусть меня твой оправдает глас.

Аржир

Я должен и спешу –

Аменаида

Я следую с тобою.

Аржир

Будь здесь ты.

Аменаида

Мне здесь быть? Нет, нет, иду я к бою.
Я зрела смерть вблизи, ужаснейшую смерть!
На поле чести, верь, ее отрадней зреть,

Чем на воздвигнутой отцом позорной плахе.
Не время, чтоб меня ты отвергал во страхе:
Несчастье дает мне право над тобой.
Иль два раза меня отец покинет мой?

Аржир

Нет, боле над тобой я не имею власти;
Я самовластием привел тебя к напасти.
Но мысли страшные питаешь в сердце ты;
Не исступленья ли то пылкие мечты?
Не здесь, в других странах иных обыкновений
Ваш пол, воспитанный без скорбных принуждений,
Идет на брань, едва от воев отличен;
Но не позволит здесь обычай и закон...

Аменаида

Какой закон! какой обычай сей презренный!
Знай, что мой дух теперь над ними вознесенный,
В сей день, день ужаса, и в сей неправды час
Приемлет за закон один сердечный глас.
Как? будет ваш закон для варварских заклятий
Лишь исторгать детей из отческих объятий?
Он будет позволять, народа при глазах,
Влачить здесь дочь твою в поноснейших цепях;
И не позволит он с отцом идти мне к бою,
Чтоб честь там защищать мне собственной рукою?
И пол наш, смертью казимый в сих странах,
Быть может только зрим одних убийц в толпах!
Тиранство наконец рождает непокорство.
Трепещешь?... трепещи, когда твое потворство,
Здесь собственным врагам желая угождать,
Тебя принудило на смертного восстать,
Который жизнь терял, чтоб дать нам оправданье.
Вот чем ты сам привел меня в непослушанье...

Аржир

Несчастливого отца души не возмущай,
И прав меня винить во зло не обращай.
Я чувствую вину; я сам свой обвинитель;
Щади ты скорбь мою; и если твой родитель
Когда-либо в тебе дочь нежную имел,
Позволь, чтоб я один погиб от вражьих стрел.
С Танкредом, верь ты мне, враг вместе нас повержет.
(К свите) Храните вы ее.

Явление седьмое

Аменаида

Здесь кто меня удержит?
О ты! который мог вражду ко мне питать,
Который мстив меня, дерзает презирать,
Танкред! перед тобой хочу я стать для бою,
Все тучи стрел в тебя хочу сдержать собою,
Принять удары их... и спасти главу твою;
Хочу тебе явить признательность мою:
Мстить смертию моей твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнев твой и кичливость;
В твоих объятиях дух испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой,
И в сердце страстном мной, тебе на сокрушенье,
Неисцелимое оставить угрызенье,
Терзания по гроб, без утешенья в них,
Весь яд моей любви, весь ужас мук моих.

Конец четвертого действия.

Действие пятое

Явление первое

Рыцари и их щитоносцы с обнаженными мечами; воины, несущие трофеи; вдали народ.

Лоредан

Победную вы песнь, граждане, воспевайте,
И бога браней все во храмах убожайте;
Победа наша в нем, и слава вся ему!
Народ, воздай хвалу поборнику сему:
Он стрелы сокрушил, разрушил он те ковы,
Что ставили на нас мучители суровы,
Поработители свободных областей.
На трупах их, народ, воздвигни свой трофей
И, мертву ярость их поправши вновь стопами,
Сокровищем Луны укрась господни храмы.
Пускай Гишпания, Италия в цепях,
Египет, Сирия, поверженные в прах,
Узрят, что мог народ, за вольность ополченный,
Против тиранов сих, колеблющих вселенной.
Аржира мы теперь утешить поспешим
И общей радостью печаль его смягчим.
О! если бы в сей день, для Сиракуз блаженный,
Обрел спокойствие отец сей огорченный.
Но где воитель тот, сей чуждый нам герой,
Который, говорят, решил наш славный бой?
Он с сонмом рыцарей во град не возвращался.
Ужели торжеством он сам не восхищался?
Иль счел, что мы его завидуем делам?
Довольно славны мы, и зависть чужда нам.
Иль Сиракуз бежит, им жертвовав собою?

(К Катану)

Катан, он долго вел бой жаркий пред тобою.
Почто, желая нам победой ускорить,
Всеобщей радости не хочет он делить?

Катан

Склони внимание, узнаешь ты причину:
Когда наш полк облегал под Этною равнину
И по хребту горы проходы замыкал,
От вас тогда вдали, близ брега я стоял,
Где враг выдерживал всю нашу крепость боя.

Вдруг рыцарь сей, я зрел, исторгнулся из строя,
Его прерывный глас, свирепое чело
Души отчаянье нам ясно зреть дало.
Он Соламира звал, вопль страшный испуская;
Аржира дочери он имя повторяя,
Неверной называл, и в ярости своей,
Я видел, слезы лил из пламенных очей.
На смерть кидался он, но невредим и страшен,
Чем боле в сечу шел, тем боле был ужасен.
Пред нами пало всё, иль лучше – перед ним.
Я с войском к вам спешил, победой предводим;
Бесчувствен к славе, он, с главою преклоненной,
Безмолвен, горестен и в думы погруженный,
Вдруг Альдамона, к нам спешившего, зовет,
Объемлет, говорит и быстро вдаль идет,
Подобно как в бою на сечу он бросался.
«Так, навсегда!» – он рек. Смысл речи оправдался:
Достойный памяти, великий рыцарь сей
Незнаем хочет быть среди наших областей;
Но нам неведомы его печальны виды.
В сей миг услышавши я вопль Аменаиды,
Узрел бегущую в воинственных толпах:
Трепещуща, бледна, с отчаяньем в очах,
К герою вопия, стремится в исступленьи.
Отец, за ней влачась и удерживает в стремленье,
Рыдающую дочь, рыдая, к нам ведет.
«Друзья, – он возопил, – герой сей – есть Танкред!
Герой, дивящий нас, великий сей воитель,
Защитник Сиракуз, Аменаиды мститель,
Есть тот, кого в сей день наш общий приговор
Изменником назвал и предал на позор;
Есть тот, чье имя здесь законом поругалось».
О друг! что думать нам, что делать нам осталось?

Лоредан

Раскаяться – вот всё, что остается нам;
Не сознавать вины злым свойственно сердцам.
Да устыдимся мы, героя угнетая.
Страдает в мире сем заслуга, честь прямая;
Но кто их ведает, тот должен их почитать.

Явление второе

Рыцари, Аржир и Аменаида, вдали поддерживаемая служительницами.

Аржир *(входя с поспешностью)*

Им должно помощь дать, их должно защитить:
Танкред в опасности, усердем ослепленный;
Танкред напал один на сонм врагов спасенный,
Набегший на него и в битву ставший с ним.
О, горе старцу мне с бессилием моим!
Вы, коих мужеству не уступает сила,
Чьих старость пламенных сердец не охладил,
Спешите все, друзья, к защите сей главы;
Невинной дочери спасите друга вы.

Явление третье

Аржир и Аменаида.

Аржир

О дочь, для нас лучи надежды воссияли;
Утешу ль я тебя, предавшуюся печали?

Аменаида

Утешусь я тогда, как будет здесь Танкред;
Как страха моего несчастный сей предмет
Предстанет и спасен и справедлив душою;
И скажешь ты, что он желает предо мною
Раскаяньем стереть обиды мне его.

Аржир

Ах! тягостны они для сердца твоего.
Но, дочь моя, Танкред, из наших стен изгнанный,
Теперь от всех почтен, и, славою венчанный,
Он самую тебя сей славою озарил;
Он, зависть постыдя, торжественно открыл,
Чрезмерностью услуг, для нас им совершенных,
Чрезмерность клеветы врагов его презренных.
Довольствуется чернь, один свой долг сверша, –
Герою мал сей труд; геройская душа
Над упованьем всех возвыситься желает –
Так общую Танкред надежду превышает.
Он будет справедлив, познав любовь твою.
Смягчился весь народ, узря вину свою.
Танкред уже готов оставить подозренье;
Чтоб укротить его, рассеять заблужденье,
Лишь нужно слово...

Аменаида

Но не сказано его.
Ах! что обиды мне народа твоего,
И легковерная любовь и сожаленье,
И всё его ко мне ничтожное почтенье?
Во мненьи одного мою я ставлю честь;
И знай, что дочь твоя смерть легче может снести,
Чем миг прожить, его почтения лишася.
Признаюсь наконец, и, может быть, гордяся,
Что в защитителе – люблю супруга я.
Обет наш приняла в час смерти мать моя;

Нам руки трепетной рукой соединила
И, закрывая взор, союз благословила.
Ее мы тению, тобою, мой отец,
Перед лицом небес клялись в любви сердец;
Клялись, чтоб тебе быть в радость, в утешенье,
У ног твоих принять на брак благословенье...
Родитель... эшафот нам был здесь алтарем!
И грустный мой жених, в отчаяньи своем,
Со смертью одной желает сочетаться;
А мне одним стыдом осталось терзаться.
Вот жребий мой.

Аржир

Рассей печальные мечты;
Мы боле обретем, чем ожидаешь ты.

Аменаида

Страшусь всего.

Явление четвертое

Те же и вестник.

Вестник

Восторг народа разделяйте,
И боле нас сердца сим чудом восхищайте:
Танкред, один Танкред победу совершил,
Один рассыпал он остаток вражьих сил,
И в жертву славную и вольности и мира
Танкред своей рукой сразил и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но боле за твою обиженную честь.
Уже гремит молва, все стогны наполняя;
Восторженный народ, героя окружая,
Своим защитником, спасителем зовет,
О троне говорит, которого Танкред
За добродетели, за подвиги достоин.
Ему сопутствовал один усердный воин,
Под властью твоей служивший Альдамон.
Сим ратником одним герой был подкрепен,
Сей ратник разделял с ним подвиг беспримерный,
Когда ж сонм рыцарей в опасности чрезмерной
С оружием в руках на помощь им предстал,
Танкред уж бой решил, Танкред торжествовал.
Вы слышите ль сей клик, его превозносящий?
Идите зреть народ, во сретенье спешащий,
Чтоб в сонмах радостных героя увенчать;
Иди зреть торжество и жертву воспринять,
Толь долго от него желанную тобою;
Всё дышит счастьем и радостью одною,
Всё мстит за скорбь твою, весь град сей восхищен;
Танкред твоей душе навеки возвращен.

Аменаида

Ах! оживаю я и познаю веселье.
Родитель, – воздадим творцу благодаренье!
Так неожиданно он всё мне возвратил;
Так щедро нас за все страданья наградил!
В сей миг, в сей только миг я жить лишь начинам,
И сердца полного блаженство постигаю!
Я всё хочу забыть; простите плач вы мой,
Упреки, тщетный страх, рожденные тоской;
Граждане, рыцари, враждебные герою,
Падите все пред ним, он пасть идет пред мною.

Аржир

Благоволил творец скончать наш плач и стон.
Что вижу? к нам идет бесстрашный Альдамон,
Танкреда подвигов один свидетель верный;
Вот он, вот воин тот, издавна мне усердный,
И наше счастье он верно подтвердит.
Но не от язв ли он едва стопы влачит?
Ах, мрачен вид его, он скорби возвеститель!..

Явление пятое

Те же и Альдамон.

Аменаида

Скажи, о Альдамон, Танкред ли победитель?

Альдамон

Он, без сомнения.

Аменаида

При кликах, внятных нам,
При песнях радостных идет он к сим местам?

Альдамон

Ах! песней глас на вопль пременится плачевный.

Аменаида

Что слышу я!

Альдамон

Сей день, навеки незабвенный,
Увы! последний день, в который жил Танкред.

Аменаида

Он мертв!

Альдамон

Взирает он еще на дневный свет,
Но от жестоких язв кончается с мученьем.
Я к вам предстал с его ужасным извещеньем,
С письмом сим, кровию начертанным его;
В нем тайну он открыл вам сердца своего.
С слезами тяжкое свершаю порученье.

Аржир

О, день отчаянья! о, неба поражение!

Аменаида (*приходя в себя*)

Подай мой приговор; предел моих он дней:
Приятен он. – Танкред! о бог судьбы моей!
Твой голос есть завет мне следовать с тобою?
Подай письмо – и смерть!

Альдамон

Услугой роковую,
Мне толь ужасною, не оскорбися ты.

Аменаида

О очи! зрите ль вы кровавые черты?
Могу ль?... в последний раз мне укрепиться должно.

(Читает)

«Мне пережить твоей измены невозможно.
На битве гибну я, но умерщвлен тобой;
Тебе, жестокая, я, жертвуя собой,
Желал бы сохранить честь с жизнью твоею».
Что, мой отец!

(Падает на руки Фани)

Аржир

Увы! всей яростью своею
Неумолимый рок в сей день нас поразил!
Теперь он всех надежд и страха нас лишил;
Ни ты уже, ни я стенать не можем боле.
Но, дочь бесценная! влачу я жизнь доколе,
Пусть учит страшное раскаянье мое
Отечество, весь свет, как имя чтить твое.

Аменаида

Что мне в почтении, всех радостей лишенной?
Что мне в отечестве и что во всей вселенной?
Он умирает!

Аржир

Ах! терплю безмолвно я.

Аменаида

И умирает он во гневе на меня!

Сему виновник ты... Но пусть хоть в час он страшный...
Что вижу я? моих убийц!

Явление шестое

Лоредан, рыцари, свита, Аменаида, Аржир, Фани, Альдамон, Танкред, вдали несомый воинами.

Лоредан

Аржир несчастный!
Несчастнейшая дочь! К вам принесен с полей
Покрытый язвами великий рыцарь сей.
Кипящей яростью водимый он средь боя,
Желал лишь умереть, но смертью героя.
Его драгая кровь, струившаясь рекой,
От язв сдержалась усердною рукой;
Великая душа хоть смертью томилась,
Аменаиду зреть еще остановилась;
Ее он называл, и каждый слезы лил;
Свое смущенье скрыть я не имею сил.

Между тем как он говорит, Танкреда медленно приносят К Аменаиде, почти бесчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро исторгается из рук их и с ужасом обращается к Лоредану.

Аменаида

Оставьте, варвары, смущенья бесполезны.

(Подбегая к Танкреду и бросаясь к ногам его)

Танкред! о друг души, жестокий и любезный!
Ты можешь ли твой слух в последний раз склонить?
Ты можешь ли ко мне взор темный обратить?
Взгляни, узнай меня, и мой удел ужасный,
Хоть в гробе место мне, супруге дай несчастной!
Она завидует единой чести сей;
Бессмертный сей союз ты обещал для ней.
Не будь немилосерд, не будь врагом ты другу;
Хоть взором удостой невинную супругу...

(Он взглядывает на нее)

Ужель в последний раз взглянул ты на нее!..
Ужель совсем отверг и сердце ты мое?..
Ты мог подозревать?..

Танкред *(немного поднимаясь)*

Ах! ты мне изменила.

Аменаида

Кто! я? Танкред!

Аржир

(бросившись к ногам с другой стороны и обнявши Танкреда, потом вставая)

Ах, нет! она тебя любила,
И за любовь к тебе на казнь осуждена;
За верность лишь к тебе страдала здесь она.
Мы все жестоки к ней и пред тобой виновны:
Законы, рыцари и наш совет верховный –
Все, все преступны мы; невинна дочь моя;
Вооружило нас одно письмо ея;
Письмо ж сие к тебе, к любимому герою;
А ты обманут был, обманут даже мною.

Танкред

Аменаида... как! так я любим тобой?

Аменаида

Достойна б я была позорной казни той,
От коей здесь меня рука твоя спасала,
Когда б я миг один тебя не обожала,
Когда б забыла я священный наш обет.

Танкред *(немного пришедши в силы и возвыся голос)*

Любим я!.. счастье, превысшее всех бед!
Теперь об жизни я скорблю – ее кончая;
Но смерть я заслужил, клеветникам внимая.
Ужасны дни мои... и их свершен предел,
Как в слове я твоём всё счастье обрел.

Аменаида

И слово то сказать я время обретаю
Лишь в миг сей роковой, когда тебя теряю!
Танкред!

Танкред

Оставь твой плач; – теперь спокоен я.
Но расстаюсь с тобой; печальна смерть моя!
Я чувствую ее... Внемли, Аржир почтенный:
Вот сей драгой предмет моей любви священной,

Вот жертва скорбная злодейской клеветы
И подозрений всех. Соедини же ты
С кровавой сей рукой ее дрожащу руку;
Мне дай отраднее снести смертельную муку;
С супруга именем мне дай во гроб сойти;
Будь мне отцом.

Аржир (*принимая их руки*)

О сын мой! да сможешь ты
Утешить жизнью нас, супругою любимой...

Танкред

Я жил, чтобы отмстить жену и край родимый;
И в их объятиях умру достойным их,
От них любим... счастлив в желаниях моих...,
Аменаида... друг!..

Аменаида (*быстро*)

Танкред!

Танкред

Прости... страшися
За мною следовать... и жить мне поклянися.

(*Упадает*)

Катан

Свершилось! – Плачут все; но поздно он, увы!
Здесь узнан был.

Аменаида (*бросаясь на тело Танкреда*)

Он мертв!.. как! плачете и вы?
Вы, тигры, вы, его изгнавшие со света!

(*Встает и идет иступленная*)

Да таргар вас пожрет, вас, всех убийц Танкреда,
И родину мою, и лютей ваш закон,
Который здесь с мечом в невинных устремлен!
Почто я не паду в прах стен сих раздробленных.
Меж трупов сих убийц, громами пораженных!

(*Бросается на тело Танкреда*)

Танкред, Танкред!

(Встает в испуге)

Он мертв!.. а зрю живых я вас?
Я следую за ним... его я слышу глас...
Зовет меня – зовет к обители он вечной –
Я оставляю всех вас муке бесконечной.

(Упадает на руки Фани)

Аржир

О дочь!

Аменаида *(в испуге отвергая его)*

Остановись... Нет, ты мне не отец;
Ты чувства не имел отеческих сердец:
Сообщник ты убийц... увы! что я вещаю?
Умру, тебя любив... Танкред! – я умираю.

(Упадает близ него)

Конец